

РАЗОРВАННЫЙ КРУГ

Искусство трудно поддается исчислению. И все же... Не объясняя причин успеха или неудачи, статистика заставляет видеть их. За последние три сезона население Сызрани дважды вошло и вышло в театральные двери, а средняя продолжительность жизни спектакля выросла почти вдвое, остановившись где-то у отметки: 35 вечеров. Что же разглядел зритель в театре, к которому еще недавно был почти равнодушен? Почему вдруг потянуло его в пустовавший зал?

Четыре года назад в Сызранский драматический театр приехал новый главный режиссер, Александр Михайлович Трубай, молодой сравнительно человек, тридцати двух лет. Для Сызрани, где главными традиционно были людьми «в возрасте», это обстоятельство неожиданно приобрело интригующий оттенок.

Я не знаю, как начинал А. Трубай, впервые мы познакомылись этой весной. Посмотрев тогда третью крауд комедию, я столкнулся с ним у выхода. Поздравлявшись, Александр Михайлович сказал: «Да, попал в поток комедии». Сказал не то с сочувствием, не то с иронией. А может, просто скалмбурлял, имея в виду плотный поток зрителей, выносивший меня из фойе на улицу.

Действительно, театр, газетировавший в соседнем Тольятти, в буквальном смысле слова жил комедией. В первый день шел водевиль П. Солодара «В сиреневом саду», на другой день — «Если уходят женщины» М. Гиндина и Г. Рябкина, на третий — «Проснись и пой!» М. Дяффа.

Все три комедии делали большие сборы, все три поставил один режиссер А. Ривман, актеры тоже по большей части переходили из спектакля в спектакль. Однако, перебирая впечатления трех этих вечеров, я вдруг обнаружил, что никак не могу их совместить. Скакой бы точки зрения я ни подходил к ним, они упорно не «стыковались».

Тот, кто видел водевиль П. Солодара, вспомнит, вероятно, и главных его героев, Душечкина и Шора — номенклатурную пару, которую «бросали» то на фотоателье, то на культуру, то на сапожную мастерскую. Тип этот великом принадлежал своему времени — в таких легко узнаваемых подробностях написан он драматургом. Теперь же, на полном серьезе перенесенный театром в иное измерение, он выглядел просто чуждо. За последние лет 15—20 приспособленец проделал целую эволюцию — театр этой эволюции не заметил или не захотел заметить. В итоге контакт со зрителем быстро развалился. Спектакль тихонько катился к очевидной всем развязке, выходя вразрезам не очень искренний смех. Он так и кончался на этой полноте, похожий на странное театральное ископаемое... скорее забавное, чем смешное. Что касается комедии

М. Гиндина и Г. Рябкина, то театр заключал с драматургами добровольный союз. Или, лучше сказать, пошел на добровольную капитуляцию. В тот вечер ставилась огроменно коммерческая вещь, «верняк», на которую зритель «клянется». А раз так, то убиралась все тормоза: сомнительные остроты старательно обыгрывались, трюкачество возводилось в принцип...

«Проснись и пой!» М. Дяффа... Атмосфера в зрительном зале в этот вечер была особенная — мягкая, чуть ироничная: смех, неторопливо переливающийся по рядам, — добрый, необидный. В центре этого спектакля — любовь. Но здесь любовь не вымученная, как в «Женщинах», и не административно-правильная, как в «Сиреневом саду». Она сама стихия представления, его атмосфера, и поэтому, очевидно, так оно красочно, весело и ярко.

Три вечера, три комедии в одном театре, подтверждающие старую, в общем, истину: один и тот же зритель может смеяться по-разному. И чувствовать себя не одинаково.

Но что практически означает заставить чувствовать?

В тот год, когда А. Трубай приехал в Сызрань, там состоялась зональная конференция по проблемам городских театров. Проблем этих, как известно, скопилось великое множество, и почти каждую сызранцы могли бы проиллюстрировать «сценами из собственной жизни». Местный критик как-то даже печатно связал по этому поводу, заметив, что «разговор о новых постановках Сызранского театра начинается с проблем. Режиссура — проблема. Репертуар — тоже проблема... И только поговорив обо всем этом, критика... глухо толкует о самих спектаклях». Возник заколдованный круг: одно звано пети неизбежно тянуло за собой другое, и разрушить это последовательное соединение, казалось, не было никакой возможности.

Трубай все же разрушил. Как известно, всякое движение вперед начинается с самосознания. В приложении к театру — с предельно четкого выявления «своей» лично-художественной позиции.

Кто-то заметил: «Иногда сам выбор пьесы вызывает уважение». Выбор автора тоже. Вглядываясь в ряды драматургов, театр задерживает

вниманье на тех, кто обладает «лицом необщим выражением», либо, напротив, ищет будничности, своего рода драматургической типажности.

У Сызранского театра долгие годы не было «своего» драматурга. Однако пестрота имен в афише свидетельствовала не об отсутствии платформы, но, как это ни покажется странным, о наличии ее. Каждый сезон в Сызрани появлялось 5—6 современных пьес, из коих по крайней мере половина претендовала на проблемность. Складывался стандарт, усредненная современная пьеса, создававшая иллюзию живого разговора со зрителем на «тему дня», — в свое время ее представляли в Сызрани «Гордячка» Т. Ян, «Разбуженная совесть» В. Шаурина, «Обелиск» Г. Мамлиня и т. д. Пьесы, смысл которых не укладывался в портативную формулировку, тоже появлялись в сызранской афише, но не были для нас характерными хотя бы уже потому, что «умирали» раньше, чем достигали зрелости.

Сегодняшняя театральная афиша в Сызрани выглядит так: «Солдатская вдова» Н. Анкилова, «Присланным летом в Чулимске» А. Вампилова, «Доходное место» А. Островского, «Свидание в предместье» («Старший сын») А. Вампилова, «Родственников» Э. Брагинского и Э. Рязанова, «Пелагея и Алик» Ф. Абрамова и В. Молько, «Долги наши» Э. Володарского. Прибавьте сюда «Комедию ошибок» В. Шекспира и «Прощание в июне» А. Вампилова, над которыми театр работает сейчас. Даже беглый взгляд убеждает: зафиксировать общность: внимание к человеку, к многообразию его духовного мира, желание говорить об этом на хорошем драматургическом языке.

Но и трансформация афиши может оказаться фасадом видимого благополучия. Далеко не всегда проявляется закономерность: хорошая пьеса — хороший спектакль. Важно не только то, какие проблемы театр ставит, но и как их решает.

«Долги наши» Э. Володарского был последним спектаклем, который я видел в Сызрани Шел четвертый год, как А. Трубай приехал в Сызрань, — пора было «суммировать». Новая премьера неожиданно стала приобретать характер отчета.

Хочу сразу же выделить одну, самую привлекательную черту этого спектакля: отчетливое понимание сложности реальной жизни и столь же отчетливое желание сохранить ее на сцене, стремление к неоднозначности характеров, исследование их в движении, постоянный переменчивости. История Ивана Крутова в

этом спектакле, поставленном А. Трубаем, есть история нравственных потерь. Человека нельзя вырвать из системы его взаимоотношений с другими людьми. Но Иван, двадцать пять лет не бывавший дома, — не переката-поле в традиционном понимании слова. И счет его «долгам» растет не по мере новых отметок в трудовой книжке. Драма личности начинается не с отрыва от родных мест, а с отторжения от людей.

Эта мысль, нигде, впрочем, не декларируемая в открытую, связывает спектакль, его разнородных героев. А Трубай тщательно хранит многозначность свершающегося на сцене, сознательно избегает дидактичности, прямого приговора. И тогда проявляется чрезвычайно важная мысль: нравственное состояние личности есть еще и критерий ее общественной полезности.

В основе успеха лежало то самое стремление к многообразному отражению реальности, которое разделяло прежний в нынешний Сызранский театр в которое определило его путь за эти три года.

А. Трубай очень не просто шел к взаимопониманию со зрителем: домаясь театр — «этомался», естественно, зрительный зал. Новый главлреж начал с «Заговора в Тергеране» и потерпел неудачу, не сумев преодолеть ни сопротивления материала, ни сопротивления самого театра, попавшего в знакомую стихию «заговоров».

А потом А. Трубай поставил «С повинной...» Л. Митрофанова. Возможно, это был решающий момент в судьбе театра. Пьеса Л. Митрофанова, написанная на материале жизни исправительного-трудовой колонии, хотя и выбивалась из ряда облегченных пьес подобного рода, все же лежала у самого рубежа столь почитаемого в Сызрани детектива. Здесь хорошо знали нехитрую технологию его изготовления, актеры легко и с ходу брали высокую ноту, режиссеры целиком посвящали себя разработке разного рода сценических эффектов — драк, убийств, песенно-танцевальных вставок.

А. Трубай создал неожиданный спектакль. Использование Д. Брука, — вся декорация представляла собой сколоченный из свежих досок забор, сдвигаемый и развиваемый по ходу действия, — он как бы «загнал» чувства, обуравшие героев спектакля, вовнутрь, «раскалдил» их до предельной температуры и затем выплеснул в зал. И они обожгли его своей искренностью, непосредственностью.

Спектакль имел большой успех в Сызрани, его заметила областная пресса. Им театр впервые четко обозначил свое идейно-художественное положение: становление

человека, личность в трудные, переломные моменты ее формирования. А потом были «Нестокость» П. Ниллина и В. Молько, «Прощанным летом в Чулимске» А. Вампилова, «Арктический роман» П. Анчашкина и П. Павловского.

Итак, «заколдованный круг» как будто бы разомкнулся. «Вечные проблемы», если и не были сняты с повестки дня, то во всяком случае потеряли свою остроту.

Долгое время, например, проблема формирования труппы была здесь одной из самых болезненных: сызранская сцена напоминала проходной двор. В 1964 году в театр приехали 8 молодых актеров, к концу сезона ушли шесть. В 1965 году приехали 14, ушли 12, в 1966 принято 10 — и так далее. Почти все эти люди набирались на «бирже», сызранская система предъявляла к ним лишь одно требование — типажность. Только к началу лета актер наконец начинал задумываться над тем, что он сделал. И тогда выяснялось, что сыграно немало ролей — иногда даже главных, но ни одной настоящей работы не состоялось. Актер пробовал заглянуть в будущее — его ждал перечень таких же других ролей. Так наступало расставание.

Сегодня в Сызранском театре стабильная труппа: в позапрошлом сезоне ушли всего три актера, в прошлом два. А. Трубай говорил мне, что в этом году, пожалуй, не поедет на «биржу». Зато он много ездит по училищам, институтам — приобщается к выпускникам, приглашает.

Также «неожиданно», как-то сама собой утратилась проблема репертуара. Еще недавно театральная афиша в Сызрани стремительно таяла. Теперь за сезон театр выпускает по 9—10 премьер, причем треть-четверть из них почти наверняка обеспечена долгая жизнь.

Конечно, было бы наивным полагать, что все страдания теперь позади и для Сызранского театра наступила «сладкая жизнь». Скорее, наоборот: смена художественной платформы обнажила угасшие было противоречия, столкнула полярные взгляды, усложнила отношения внутри труппы. Сегодняшний Сызранский театр далеко еще не труппа единомышленников, и об острые углы неизбежных конфликтов можно еще больно удариться.

Эта «двойственность» существования ощущается буквально всюду. Даже в лучших спектаклях появляется вдруг знакомая фальшивая нота, излияние подчеркнутый, эффектный жест, на публику рассчитанная острота, и выглядит тогда сквозь новые одежды лицо ушедшего вроде театра, а болюче делается: так ли уж крепко стоим «на своем»?

Этот вопрос, который театр задал себе не сегодня и на который он должен теперь ответить.

Г. ШАБАНОВ,
наш спец. корр.
СЫЗРАНЬ — КУБЫШЕВ.

14 МАЯ 1974

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»
7 МОСКВА